

Ниткин Павел Сергеевич

ПРАВИТЕЛЬСТВО, ДЕПУТАТЫ И ЖУРНАЛИСТЫ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассмотрен вопрос взаимоотношений Государственной думы Российской империи, правительства и журналистского пула, освещавшего работу законодательной власти. К началу работы Думы третьего созыва правительство воспринимало парламентскую печать не только как оппозиционную силу, ведущую агитацию среди депутатов, но и как потенциальную угрозу безопасности должностных лиц и народных избранников. В связи с этим права корреспондентов в Таврическом дворце были серьезно ограничены. В статье впервые в отечественной историографии анализируются переговоры между журналистами, думским руководством и исполнительной властью, в рамках которых удалось обеспечить продуктивное сотрудничество, устраивавшее все стороны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 146-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).083

Исторические науки и археология

В статье рассмотрен вопрос взаимоотношений Государственной думы Российской империи, правительства и журналистского пула, освещавшего работу законодательной власти. К началу работы Думы третьего созыва правительство воспринимало парламентскую печать не только как оппозиционную силу, ведущую агитацию среди депутатов, но и как потенциальную угрозу безопасности должностных лиц и народных избранников. В связи с этим права корреспондентов в Таврическом дворце были серьезно ограничены. В статье впервые в отечественной историографии анализируются переговоры между журналистами, думским руководством и исполнительной властью, в рамках которых удалось обеспечить продуктивное сотрудничество, устраивавшее все стороны.

Ключевые слова и фразы: Государственная дума Российской империи; парламентская журналистика; парламентские корреспонденты; думские журналисты; журналисты в Государственной думе.

Ниткин Павел Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

nitkin.pavel@gmail.com

ПРАВИТЕЛЬСТВО, ДЕПУТАТЫ И ЖУРНАЛИСТЫ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В Государственной думе Российской империи третьего созыва (ноябрь 1907 г. – июнь 1912 г.) с особой остротой встал вопрос об аккредитации журналистов, освещавших ее работу. По правилам, существовавшим в период деятельности Первой и Второй Государственных дум, аккредитацией должны были заниматься председатель и канцелярия Думы. На практике же журналисты сами делили билеты между собой на общих собраниях прессы. Однако незадолго до начала работы Третьей думы в силу вступили новые правила, по которым распределение аккредитаций было отдано в ведение Главного управления по делам печати МВД [19].

Высочайше утвержденные правила о допуске посторонних лиц в здание Таврического дворца начали действовать с 18 октября 1907 г. В отличие от Государственной думы первого и второго созывов теперь журналистам выделялись места только в верхних ложах, они не могли находиться непосредственно в зале заседаний, общаться с депутатами в кулуарах [11, с. 379-380]. Эти ограничения ставили прессу в непростое положение, создавая большие неудобства в работе. «Вчера все журналисты провели день в смятении: надо было добывать заветные, пресловутые, драгоценные и недосыгаемые билеты в Государственную думу. <...> Чтобы завтра попасть в самый дальний, самый скверный угол галереи и там, на коленке, настроить многострадальный отчет», – отмечала газета «Биржевые ведомости» [1].

Отчеты о заседаниях Государственной думы входили в число самых популярных газетных материалов. Интерес к Думе был настолько велик, что аккредитацию пытались получить даже музыкальные и литературные издания [28, д. 1, л. 148]. Парламентские корреспонденты, собиравшие информацию непосредственно в здании Таврического дворца, играли огромную общественную роль – именно они предоставляли факты, на основе которых строился образ Государственной думы в печати. Тем не менее в отечественной историографии изучение парламентской журналистики России начала XX столетия только начинается. К настоящему времени петербургским исследователем О. А. Патрикеевой написан ряд статей об организации работы прессы в Государственной думе Российской империи, о месте и роли конкретных изданий и журналистов в истории отечественной парламентской печати [20-24]. Казанский историк Д. М. Усманова занималась проблемой зарождения новой журналистской специальности – парламентского фотографа, – а также ролью газет и журналов в жизни Государственной думы [32; 33]. Однако в целом парламентская пресса Российской империи пока еще остается относительно слабоизученным феноменом. Целью данной статьи является исследование отношения правительства и депутатов к печати в Таврическом дворце.

В начале ноября 1907 г. премьер-министр П. А. Столыпин объяснял введение строгих правил допуска посторонних лиц в помещения Таврического дворца соображениями безопасности и необходимостью обеспечить охрану Государственной думы [1]. Примерно те же доводы приводили представители крайне правых партий. Когда зашел разговор о допуске прессы в зал заседаний, последние разработали свой план размещения журналистов: многотиражной столичной печати выделить ложу слева от председателя, отделив ее невысоким барьером для беспрепятственного общения корреспондентов с депутатами, провинциальную же прессу оставить в верхней ложе в прежних условиях.

Депутаты не скрывали, что хотят отгородиться от печати, потому что боятся покушений со стороны революционеров – они, по их словам, могли проникнуть в Таврический дворец под видом журналистов [Там же]. Председатель Третьей Думы Н. А. Хомяков к их предложению отнесся отрицательно [25]. Более того, он увидел в нем оскорбительное для прессы разделение «на овец и козлиц» [15].

В первые дни работы Третьей Думы «стесненность» положения прессы в парламенте неоднократно становилась отдельной темой в думских отчетах петербургских газет. В здании Таврического дворца у журналистов

не было точек соприкосновения с депутатами. Они не попали в нижние ложи, входили в здание Думы через отдельный вход для публики, и у них не было возможности для работы в кулуарах. «Печать совершенно разобщена с парламентом. В нынешней Думе печати ничего не видно, ничего не слышно. Переговорить с депутатом, т.е. понять подоплеку дела, уяснить характер пленарных собраний Думы, являющихся обыкновенно результатом негласных совещаний и компромиссов, – почти невозможно», – констатировал представитель «Биржевых ведомостей» В. А. Бонди [3].

«О нашем бедственном положении можно было бы писать целые фельетоны», – характеризовал условия работы журналистов в Думе референт «Нового времени» А. А. Пиленко [27]. Газета «Товарищ» высказывалась примерно в том же ключе: «Журналисты должны ко всему привыкать. Когда же, в самом деле, печать будет поставлена в более или менее приличное положение...» [9]. В подобных условиях репортерам приходилось обходиться краткими разговорами с депутатами при входе или выходе из Таврического дворца, брать интервью на дому у депутатов [8], черпать дополнительные сведения о происходящем в Государственной думе друг у друга [10].

С определенной критикой сложившегося положения выступила даже крайне правая газета «Объединение». Издание признавало, что наложенные на печать ограничения «печальны», но считало их результатом «хаоса», творившегося в первых двух Думах. Там, по мнению газеты, депутаты были вынуждены терпеть агитацию, часто просили защиты от представителей печати, а около половины немногочисленных мест для русской печати отдавали инородцам и евреям. Но даже эта газета заявляла, что на фоне введенных ограничений власти хотя бы могли создать удобные условия для работы [26].

Передача распределения билетов в руки Главного управления по делам печати давала корреспондентам новый повод обвинять исполнительную власть в попытках ограничить прогрессивную частную прессу. Газета «Русь» негодовала, что изначально в Думе третьего созыва все четыре нижние журналистские ложи занимали немногочисленные представители Санкт-Петербургского Телеграфного Агентства и правительственных изданий [19]. По этому поводу поэтично высказались «Биржевые ведомости»: «Там, где в прошлом году, сзади депутатских мест, были ложи журналистов, теперь – гладкая равнина.

– Места покойников.

Но это “кладбище” оживает. Длинной шпалерой, огибая зал, выстраивается ряд хорошеньких женщин. Кажется, все служащие канцелярии Думы» [3].

Уже в первый день работы Третьей Думы премьер-министр П. А. Столыпин заявил, что готов пересматривать правила о печати совместно с председателем Думы. Ссылаясь на это заявление, к избранному спикером Н. А. Хомякову отправилась журналистская делегация [5]. Она поставила вопрос «об установлении более правильного и достойного» положения печати в парламенте [7]. Председатель посчитал претензии справедливыми и заявил, что рассчитывает на удовлетворение требований исполнительной властью [12].

Председатель сразу же взялся за работу. Уже 3 ноября в «Биржевых ведомостях» появилось сообщение о том, что Хомяков посетил премьер-министра П. А. Столыпина, и «целью посещения... было обещание, данное... Бюро парламентской прессы» [14]. После этого разговора председатель заявлял, что рассчитывает на удовлетворение «справедливых требований печати» [7]. Кроме того, по данным газеты «Товарищ», вопрос о положении печати председатель Думы поднял на своей первой аудиенции у Николая П. Ссылаясь на одного из депутатов-октябристов, газета сообщила, что «это встречено сочувственно» [4]. А вот «Русь» 10 ноября писала, что решение вопроса о печати затянулось как раз потому, что Хомяков не мог быстро устроить свидание со Столыпиным [31].

Естественно, что Н. А. Хомяков поставил проблемы прессы и на обсуждение президиума Государственной думы, поскольку не хотел принимать единоличное решение [7]. 6 ноября председатель вместе с вошедшими в состав президиума В. М. Волконским, А. Ф. Мейендорфом и И. П. Созоновичем единогласно признали «желательным предоставить журналистам возможное удобство для работы» и не видели «препятствий к непосредственному общению их с членами Государственной думы» [30, д. 164, л. 1 об.]. Президиум предложил выделить журналистам крупнейших общественно-политических изданий места в нижних ложах и предоставить им доступ в кулуары. Переговоры с Бюро печати продолжились на следующий день, и по их результатам в газетах сообщалось, что «настроение президиума к печати несомненно благоприятное. Все дело теперь в соглашении председателя Думы с председателем Совета Министров» [16].

Достигнуть этого соглашения оказалось непросто. На заседание президиума 11 ноября 1907 г. были приглашены товарищ министра внутренних дел сенатор С. Е. Крыжановский и начальник Главного управления по делам печати статский советник А. В. Бельгард. Председатель Думы сообщил чиновникам о намерении облегчить режим доступа для журналистов. В ответ на это Крыжановский заметил, что П. А. Столыпин вряд ли согласится на выдвинутые условия, поскольку МВД предпринимает «особо бдительные меры по охранению порядка и предупреждению возможных в стенах Государственной думы террористических покушений» [30, д. 164, л. 12-14]. По мнению властей, опыт первых двух Дум показал, что под видом журналистов в Таврический дворец проникали неблагонадежные элементы. Перемещение журналистов в нижние ложи было признано нежелательным, потому что в таких условиях охрана не может отвечать за безопасность как представителей правительства, так и депутатов. Товарищ министра заявил, что единственным возможным выходом видит предоставление отдельным изданиям мест в нижних ложах – не изменяя существовавших правил, путем частного соглашения председателя Думы с премьер-министром.

Его позицию поддержал товарищ секретаря Думы Г. Г. Замысловский. Он заявил, что совершенно не согласен с постановлениями президиума и протестовал бы против них, если бы участвовал в предыдущих

заседаниях. По его мнению, присутствие журналистов в помещениях Думы несло две опасности: вредное влияние на депутатов путем агитации и невозможность оградить членов Думы от покушений со стороны террористов. А. В. Бельгард, в свою очередь, поддержал Крыжановского в том, что исключения могли бы быть допущены для нескольких наиболее крупных и серьезных органов печати. По его мнению, выбор Главное управление могло сделать беспристрастно – на основании тиража и общественного значения.

Товарищ председателя Думы барон А. Ф. Мейендорф возразил, что нельзя допускать частные соглашения в обход существующих правил. По его мнению, такой вариант не только не гарантировал безопасности, но и ставил в «ложное положение» пристава Думы, который должен был бы исполнять нарушающее правила приказание. Он считал, что если МВД видит в печати опасность, то лучше не делать исключения из правил, а вообще ничего не менять.

Последним высказался председатель Думы Н. А. Хомяков, выступивший последовательным защитником прессы. Он заявил, что опасения министерства и товарища секретаря были приняты во внимание при выработке предполагаемых изменений: «Совещание имело в виду, что охрана сохраняет за собой право самого строгого контроля» [Там же]. Отметив, что правительство хочет обеспечить спокойную работу Думы, председатель подчеркнул, что «условия, в которые поставлена существующими правилами работа журналистов, восстанавливает против Думы печать всего мира. <...> ...нельзя не признать, что представители печати в Государственной думе лишены самых необходимых удобств для своей работы» [Там же].

Председатель недоумевал, почему правительство считает опасным присутствие в помещении Государственной думы небольшого количества журналистов, кандидатуры которых он одобрит лично. Он практически исключал возможность проникновения под видом журналистов неблагонадежных элементов, поскольку в удостоверения корреспондентов были вклеены их фотографии.

Таким образом, 18 ноября 1907 г. появилось Высочайшее повеление, которое выделило в крайней правой ложе зала заседаний Таврического дворца 24 места для печати [11, с. 384]. Уже 22 ноября сообщалось о том, что для журналистов установили первые 18 кресел с раскладывающимися столиками для письма [17]. Так называемые «нижние журналисты» получили возможность непосредственного общения с депутатами в кулуарах (Екатерининском зале Таврического дворца), поскольку как раз через них проходил путь в зал заседаний.

Стоит отметить, что доступ в кулуары Думы всегда могли получить далеко не все. Например, в ноябре 1907 г. В. А. Бонди писал, что туда перестали пускать работниц канцелярии Думы: «Чиновницам канцелярии Государственной думы, сидящим пока без дела, запрещено прохаживаться в кулуарах, чтобы не соблазнять своим присутствием депутатов» [2]. Сообщалось, что «хорошенькие корреспондентки» в свете такого решения особенно переживали за свою судьбу [Там же]. Разрешение Н. А. Хомякова для посещения кулуаров пришлось получать и члену Государственного совета Д. Н. Шипову [18].

Были ли журналисты в первых двух Думах настолько опасными, как они представлялись правительству? О серьезных столкновениях в здании Думы или о покушениях на депутатов никаких сведений не имеется. Тем не менее правая печать писала, что корреспонденты большинства аккредитованных изданий были представителями «улицы», которые стремились продвигать в Думе свои взгляды и настроения: «Это – начало личной революции в стенах Таврического дворца» [6]. Вероятно, это связано с тем, что среди печати был заметный перевес прогрессивных изданий.

Находившаяся в ведении МВД охрана Таврического дворца также не жаловала печать, что было особенно заметно в период работы Второй Думы. Так, 17 марта 1907 г. Бюро печати рассматривало вопрос отношений с охраной, и председатель М. Г. Болквадзе передал разговор со служившим в Думе поручиком Пономаревым. Сообщалось, что Пономареву жаловались из Зимнего дворца на «бардак» в ложе журналистов [29, д. 666, л. 28]. 20 марта Болквадзе писал председателю Думы Ф. А. Головину об «унижающем достоинство представителей печати факте»: «У самого входа в ложу журналистов охраной поставлен сторож, который требует от корреспондентов каждый раз предъявления билета. Эта унижительная сама по себе процедура становится еще более оскорбительной, когда она повторяется несколько раз с одним и тем же лицом» [Там же, д. 1321, л. 6]. В дальнейшем проблемные отношения печати и охраны неоднократно обсуждались президиумом Думы.

В чем были причины такого отношения к прессе? Во-первых, исполнительная власть, руководившая охраной, не хотела возрождения митинговой атмосферы Первой Думы. Во-вторых, опасались того, что журналисты, большинство из которых представляли левые издания и разделяли левые убеждения, будут вести агитацию среди депутатов. В связи с этим показательна характеристика парламентской прессы, которую 30 марта 1907 г. канцелярия Думы передала в департамент полиции: «О значительной части поименованных в списке сотрудников имеются более или менее неблагоприятные в политическом отношении сведения; некоторые из них привлекались в качестве обвиняемых к дознаниям по делам политического характера и отбывали гласный надзор полиции, но в настоящее время никто из них к делам политического характера не привлечен» [30, д. 334, л. 28].

Думские журналисты стали заложниками институционального антагонизма между Думой и правительством. После роспуска Первой Думы «народного гнева» правительство с крайним недоверием относилось к этому органу власти, а журналистов рассматривало в качестве пособников продвижения идей революции. Таврический дворец становился оппозиционным центром, в котором радикально настроенные журналисты со своих позиций освещали деятельность стремившихся окончательно изменить государственный строй депутатов. Деятельность Второй Думы и ее преждевременный роспуск усугубили ситуацию. Правительство прекрасно осознавало опасность такого положения. Накладываемые на журналистов ограничения можно рассматривать как попытку контроля информационного поля со стороны исполнительной власти. Однако в Третьей Думе ее руководству,

стремившемуся к конструктивному сотрудничеству как с правительством, так и с прессой, удалось все же создать систему, более или менее удовлетворяющую интересы всех сторон.

Список источников

1. **Аркадий Парфенов.** Точки зрения // Биржевые ведомости. 1907. 1 ноября.
2. **Бонди В. А.** Государственная Дума // Биржевые ведомости. 1907. 9 ноября.
3. **Бонди В. А.** Открытие III Государственной Думы // Биржевые ведомости. 1907. 2 ноября.
4. **В Таврическом дворце** // Товарищ. 1907. 4 ноября.
5. **Вечерняя газета** // Русь. 1907. 2 ноября.
6. **Голос из Думы.** В Государственной Думе // Объединение. 1907. 2 марта.
7. **Государственная Дума** // Новое время. 1907. 4 ноября.
8. **Государственная Дума** // Товарищ. 1907. 2 ноября.
9. **Государственная Дума** // Товарищ. 1907. 9 ноября.
10. **Государственная Дума** // Товарищ. 1907. 17 ноября.
11. **Государственная Дума. 3-й созыв – 2-я сессия:** справочник. СПб.: Гос. типогр., 1909. Вып. 1.
12. **Новейшее** // Биржевые ведомости. 1907. 4 ноября.
13. **Новик.** Третья Государственная Дума // Русь. 1907. 2 ноября.
14. **Около Госуд. Думы** // Биржевые ведомости. 1907. 3 ноября.
15. **Около парламента** // Биржевые ведомости. 1907. 3 ноября.
16. **Около парламента** // Биржевые ведомости. 1907. 7 ноября.
17. **Около парламента** // Биржевые ведомости. 1907. 22 ноября.
18. **Около парламента** // Биржевые ведомости. 1907. 29 ноября.
19. **Он.** Думские отголоски // Русь. 1907. 8 ноября.
20. **Патрикеева О. А.** Газета «Новое время»: вклад в развитие парламентской журналистики в России (начало XX в.) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия «История и политология». 2013. № 2. С. 5-13.
21. **Патрикеева О. А.** Государственная дума Российской империи на страницах газеты «Новое время» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. Вып. 1. С. 160-168.
22. **Патрикеева О. А.** Деятельность журналистов в Государственной думе Российской империи // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы истории парламентаризма: сб. науч. ст.: в 2-х ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2013. Ч. 2. С. 130-146.
23. **Патрикеева О. А.** Зарождение парламентской журналистики в России в начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «История». 2012. № 4. С. 31-40.
24. **Патрикеева О. А.** Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С. И. Смирновой-Сазоновой. 1906-1917 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 133-141.
25. **Печать в Г. Думе** // Биржевые ведомости. 1907. 3 ноября.
26. **Печать в 3-й Государственной Думе** // Объединение. 1907. 4 ноября.
27. **Пиленко А. А.** В Госуд. Думе // Новое время. 1907. 9 ноября.
28. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1162. Оп. 2. ОЛС 1906 г.
29. **РГИА.** Ф. 1278. Оп. 1. II созыв.
30. **РГИА.** Ф. 1278. Оп. 3.
31. **[Стембо А. Л.]** Около Думы // Русь. 1907. 10 ноября.
32. **Усманова Д. М.** Государственная дума и отечественная пресса: к вопросу о «медиализации» работы российского парламента // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная науч. конф. (г. Санкт-Петербург, Таврический дворец, 10-11 декабря 2015 г.): сб. науч. статей: в 2-х ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 247-255.
33. **Усманова Д. М.** Думский фотограф: рождение новой профессии? // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция: сб. науч. ст.: в 2-х ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Центр истории парламентаризма, 2014. Ч. 2. С. 51-60.

**GOVERNMENT, DEPUTIES AND JOURNALISTS:
ATTEMPT OF INTERACTION IN THE III STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE**

Nitkin Pavel Sergeevich
Saint Petersburg University
nitkin.pavel@gmail.com

The article discusses the relationship between the State Duma of the Russian Empire, the government and the journalistic pool that covered the work of the legislature. At the beginning of the Duma's work of the third convocation the government perceived the parliamentary press not only as an opposition force leading agitation among deputies, but also as a potential threat to the security of officials and people's representatives. In this regard, the rights of correspondents in the Tauride Palace were seriously limited. For the first time in the domestic historiography the paper analyzes negotiations between journalists, the Duma leadership and the executive power, within the framework of which it was possible to ensure productive cooperation that satisfied all parties.

Key words and phrases: The State Duma of the Russian Empire; parliamentary journalism; parliamentary correspondents; Duma journalists; journalists in the State Duma.